

Г. И. ШВЕБС

Ноосфера как символ цивилизации нового типа

Так получилось, что одно из наиболее интенсивных обсуждений нового типа отношений между человеком и природой в нашей стране сложилось вокруг глубокой, но далекой от завершенности концепции ноосферы В. И. Вернадского. Эта концепция, по моему мнению, не успела в работах выдающегося ученого воплотиться в строгих научных формах, понятие ноосферы осталось идеей-символом. И как всякий емкий символ, оно допускало впоследствии целый веер разнообразных истолкований. По-видимому, это разнообразие в значительной степени можно объяснить также объективным отличием позиций, с которых исследователи проясняли это понятие. Так, для историков науки и философов, которые начали публикацию соответствующих работ В. И. Вернадского в 70-е годы и стремились ввести это понятие в тогдашний идейный арсенал, представлялось важным доказать совместимость идей ученого с марксизмом-ленинизмом и с представлением о планомерном, основанном на науке освоении природы при социализме*. В последние же годы историки науки и культуры предпочитают подчеркивать связь идей В. И. Вернадского с научно-философским течением «русского космизма», а также с некоторыми эволюционными идеями в западной философии и науке (А. Бергсон, Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден). Существуют также интерпретации идеи «ноосфе-

---

* См., например, статьи И. В. Кузнецова и Б. М. Кедрова (в кн.: *Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. Кн. 2. М., 1977*), а также статью С. Р. Микулинского «О понятии ноосферы» (в кн.: *Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988*).

ры» в сциентистском духе, усматривающие в ней просто процесс всеобщего распространения научного знания и организации на его основе всей человеческой жизнедеятельности. При этом предполагается слияние природы и общества, в том числе созданной людьми техносферы, в некое гармонично развивающееся целое.

Для всех этих интерпретаций в работах В. И. Вернадского можно найти более или менее убедительные основания, подобрать соответствующие высказывания. И все же мне кажется, что эти истолкования в некоторых важных аспектах носят вынужденный характер, обусловленный стремлением вписать размышления ученого в принятую у нас идеологию (к тому же и самому В. И. Вернадскому, как это стало ясно из опубликованных ныне фрагментов его дневников и писем, иногда приходилось в 30-е годы делать то же самое). А между тем, по моему мнению, основная ценность его идей состоит в том, что он мыслит в существенно иной системе координат, чем та, которая доминировала у нас несколько десятилетий. В частности, вся та эволюционная перспектива, которую он раскрывает как основу ноогенеза, отлична от марксистской картины исторического прогресса. Поскольку идеи В. И. Вернадского вошли в круг тех интеллектуальных ресурсов, которые используются в нынешних дискуссиях о возможных путях нашего социального развития, то это обстоятельство, конечно, нуждается в прояснении.

Я не историк науки и, возможно, не учитываю каких-то исторических деталей, но все же рискну указать на один важный момент, который почему-то обходится стороной в существующих интерпретациях эволюционно-ноосферной концепции Вернадского. Речь идет о его достаточно известной социально-политической позиции, яснее всего выраженной в последовательном и практически действенном участии в отстаивании и организации цивилизованных, свободных научных исследований в России и на Украине, а также в понимании им правового демократического общества как социальной среды, единственно адекватной для того «взрыва научного творчества», который он считал «первой необходимой предпосылкой» создания ноосферы*. Вернадский, далее, был видным и активным членом Конституционно-демократической партии, и нет никаких оснований считать, что его целостное и последовательное мировоззрение существенно изменилось после 1917 г., тем более что ему в ту пору шел уже 55-й год.

---

* См.: *Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста*. С. 44.

Достаточно почитать его письма 1923—1927 гг. (т. е. именно тех лет, когда в Париже В. И. Вернадский подошел к своим идеям о ноосфере) близкому другу, известному кадету И. И. Петрункевичу, чтобы понять, что послереволюционные события только укрепили и очистили от некоторых иллюзий его взгляды. «Я думаю, — писал ученый в 1923 году, — что вы и я были *rari aves* в русской жизни, — мы совсем никогда не были затронуты социализмом — всегда видели в нем проявление насилия над человеческой личностью»*. Не питал В. И. Вернадский никаких симпатий и к марксизму, а ту форму, которую принял последний у нас в стране в 30-е годы — форму насильственно навязываемой государственной идеологии, — считал губительно влияющей на развитие науки и культуры**.

Поэтому нет никаких оснований связывать идею ноосферы с марксизмом и социалистической практикой — независимо от того, для каких целей эта связь устанавливается: чтобы адаптировать эту идею к коммунистической идеологии (как это недавно было) или чтобы поставить ее под сомнение (как это иногда делается сейчас). Так, например, В. А. Кутырев полагает: «Ноосфера как гармония — сциентистский аналог социально-политической утопии коммунизма и прочих, более ранних мечтаний о рае»***. Можно, конечно, превращать идею ноосферы в некий фантом, а потом опровергать ее; можно продолжать считать, что все идеи или «приближаются» к марксизму, или же, напротив, противостоят ему. Однако так мы вряд ли сможем верно оценить учение Вернадского о ноосфере, ибо он мыслил в не пересекающейся и не антагонистичной к марксизму плоскости.

Кстати сказать, ныне все чаще можно услышать мнение, что русский космизм как-то интимно связан с русским коммунизмом: в претензиях на регуляцию природы и рациональное переустройство мира с помощью науки, в национальном мессианизме, в отрицании западного индивидуализма и нацеленности на «общее дело». Это мнение, восходящее к Н. А. Бердяеву и

* Письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12. С. 209. *Rari aves* — редкие птицы (*лат.*).

** Об этом В. И. Вернадский совершенно ясно написал в нескольких параграфах своей работы «Научная мысль как планетное явление», которые не были включены ни в первое (1977 г.), ни во второе (1988 г.) ее издание. Публикацию этих параграфов см.: Вопросы истории естествознания и техники. 1988. № 1.

*** Кутырев В. А. Утопическое и реальное в учении о ноосфере // Природа. 1990. № 11. С. 6¹.

Г. В. Флоровскому и относимое ими к космизму Н. Ф. Федорова, еще нужно детально обсуждать, и уж во всяком случае оно неверно в отношении к взглядам В. И. Вернадского. Так, становление ноосферы он мыслил как стихийный процесс, а не как некое «планомерное строительство». Национальный messiаниззм в любых формах был чужд ему как человеку космополитического склада. Лишь в юности в его заметках иногда встречалось что-то похожее на федоровские идеи о воплощенности знания в коллективной народной практике*, тогда как впоследствии он всегда придерживался типичных либерально-демократических идей об интеллектуализации общества, связи свободы и индивидуализма и т. п. Так, в 1924 г. он писал: «Я уверен, что все решает человеческая личность, а не коллектив, élite страны, а не ее демос, и в значительной мере ее возрождение зависит от неизвестных нам законов появления больших личностей»**.

Собственно, и о сциентизме В. И. Вернадского стоит говорить с осторожностью. Действительно, в научной мысли он видел основное условие перехода к ноосферной цивилизации. Однако наука для него — продукт сложной интеллектуальной и социальной среды, демократических свобод, интернационализации культурной жизни. Если эти условия разрушаются, если наука не подпитывается и не дополняется другими типами рациональности, то она неизбежно приходит в упадок. «Уничтожение или прекращение одной какой-либо деятельности человеческого сознания сказывается угнетающим образом на другой. Прекращение деятельности человека в области ли искусства, религии, философии или общественной жизни не может не отразиться болезненным, может быть, подавляющим образом на науке»***. Вряд ли такую позицию можно квалифицировать как сциентизм, если, конечно, не понимать под последним любое отстаивание значимости и ценности науки для человеческой жизни. К тому же стоит учесть, что роль свободных интернациональных научных исследований подчеркивалась В. И. Вернадским в 30-е годы, когда наука в нашей стране подвергалась идеологизации и жесткому давлению власти, когда репрессии коснулись учеников и коллег ученого.

* См. его письмо 1888 г. «О роли народных масс» в кн.: *Вернадский В. И.* Философские мысли натуралиста. С. 397—401.

** Письма В. И. Вернадского И. И. Петрункевичу // *Новый мир.* 1989. № 12. С. 214.

*** *Вернадский В. И.* Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 50—51.

Таким образом, ошибочно искать в идее ноосферы какие-то специфические, возникшие в экзотической социальной и идейной среде пути к цивилизации нового типа. Напротив, в значительной мере вопреки этой среде В. И. Вернадскому удалось одному из первых выразить общецивилизационные сдвиги, которые после войны были осознаны многими философами и учеными.

